

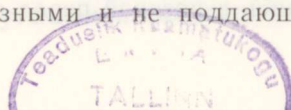
И. А. НИКОЛАЕВА (Москва)

О СООТВЕТСТВИЯХ УРАЛЬСКИХ АФФРИКАТ И СИБИЛЯНТОВ В ЮКАГИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Урало-юкагирские лексические сопоставления, предложенные в разное время Б. Коллиндером, К. Боудой, И. Ангере, О. Г. Тайером, доказали несомненное родство юкагирского языка с уральскими, но не решили проблему установления регулярных фонетических соответствий между прауральским и юкагирским языками. Использование отрывочных данных по исторической фонетике юкагирского языка (JU; TAILLEUR 1959a и б; HUV) не дало полной и достоверной картины главным образом потому, что предыстория юкагирских форм и междиалектные соответствия в юкагирском языке оставались все же слишком неясными (отчасти это связано с недостаточной точностью записи юкагирского материала). Представляется, что возможности более глубокого изучения урало-юкагирского родства тесно связаны с решением проблемы генезиса фонологических систем юкагирских диалектов, а современный подход к урало-юкагирскому вопросу неотделим от реконструкции праюкагирского языкового состояния и изучения взаимного соотношения юкагирских языков и диалектов (материал показывает, что мы имеем дело не с одним, а с группой близкородственных языков, см. TAILLEUR 1962).

Историко-фонетическое развитие от протоуральского — общего предка уральских и юкагирского языков — до современного юкагирского языка осуществлялось через промежуточные стадии, обозначенные нами как праюкагирская и старуюкагирская. Названия эти условны. Под праюкагирским понимается относительно единый, обособившийся от протоуральского язык, предок всех известных науке юкагирских языков и диалектов. Старуюкагирским назван язык, отраженный в первых записях, содержащих юкагирский материал (XVIII в.) и свидетельствующих о диалектной дифференциации, в целом близкой к современной, но сохраняющей отдельные архаичные лексические и фонетические особенности.

Не ставя здесь задачи описания праюкагирской фонологической системы, отметим, что по крайней мере в области консонантизма она обнаруживает существенное сходство с прауральской. Наиболее характерные праюкагирские инновации относятся к развитию аффрикат и сибилантов. Этот факт замечен исследователями урало-юкагирского родства, но характерно, что и у Б. Коллиндера, и у О. Г. Тайера рефлексы прауральских аффрикат и сибилантов в юкагирском языке оказываются чрезвычайно разнообразными и не поддающимися четкому

распределению: у Б. Коллиндера *č̣ > č; *č̣ > č̣, ṣ̌, ʒ̣; *ṣ̌ > č̣, ṣ̌; *s > ø (HUV 167), у О. Г. Тайера *č̣ > ʒ̣, ṣ̌; *s, *ṣ̌, *ṣ̌ > ø (Tailleur 1959a : 415, 420).

Опираясь на данные праюкагирской реконструкции и критический разбор уже имеющихся этимологий, попробуем пересмотреть предложенные фонетические соответствия.

В праюкагирской системе аффрикат и сибилантов присутствовала оппозиция по палатальности: *č̣ и *č̣, *ʒ̣ и *ʒ̣'.

ПЮ *č̣ > К Т č̣; **ПЮ** *č̣ > К č̣-, -ś(-), Т č̣.

Различие между ПЮ *č̣ и *č̣ прослеживается только в верхнеколымском диалекте и только в неначальной позиции, где ПЮ *č̣ > К č̣, но ПЮ *č̣ > К ś. По-видимому, палатализация *č̣ и утрата аффрикации у старого *č̣ представляет собой сравнительно позднюю инновацию. При этом утрата аффрикации может быть связана с общей тенденцией к появлению фрикативных вариантов интервокальных согласных (ср. Иохельсон 1934 : 158), действие которой охватывает последнее столетие. Еще Е. А. Крейнович, работавший у верхнеколымских юкагиров в 50-х годах нашего века, фиксировал свободную вариативность в произношении ś и č̣ (в его обозначении *t'*) в одних и тех же словах, но, согласно нашим полевым материалам (1986 г.), произношение ś на месте старого *č̣ стало единственно возможным: Иох *āčā* ~ Кр *āt'э*, *āčэ*, *āčа* ~ МЭ *āsэ* 'домашний олень'.

В начале слова в верхнеколымском диалекте (как и в других юкагирских диалектах) *č̣ и *č̣ не различаются. В принципе их совпадение в этой позиции можно проецировать в праюкагирское состояние.

В тундренном диалекте *č̣ и *č̣ совпали во всех позициях: К *lošil* ~ Т *lačil* 'огонь', К *čūl* ~ Т *čūl* 'мясо', К *memžes* ~ Т *memreč* 'вспыхнул'.

Староюкагирские материалы также не различают *č̣ и *č̣: в обоих случаях имеем В *tsh*, Ме, Мие *tsch*. Однако с учетом данных современного верхнеколымского диалекта следует считать, что по крайней мере у И. Биллингса и К. Мерка, в записях которых отражен диалект — предок верхнеколымского диалекта, за этими написаниями стоят две различные фонетические реальности.

В связи с историей юкагирских аффрикат необходимо отметить, что в определенный период в юкагирском языке действовали правила регрессивной ассимиляции *j* после согласного на морфемных стыках (прежде всего в глагольных формах): *C + j > Cč̣*, *j + j > jč̣ > č̣*. В дальнейшем в верхнеколымском диалекте č̣, возникший таким образом, развивался по общему правилу č̣ > ś: *er-jə > Иох *ārčā*, МЭ *erčā* 'плохой'; *kebej-jə > Иох *kābāčā*, МЭ *kebešā* 'я иду'. Промежуточная стадия *jč̣* в некоторых случаях еще отражена у В. И. Иохельсона: Иох 105 *малач*, 49 *малаич* 'он заснул'. После сонорных, кроме *r*, аффриката озвончилась (ср. развитие **ńč̣* в корне в старуюкагирскую эпоху): *qon-jə > *qonžə* 'я иду'.

ПЮ **ńč̣* > К ẓ̌, Т *r*; **ПЮ** **ńč̣* > К Т ẓ̌ (+V), *ń* (+C).

Сочетания носовой + аффриката претерпели специфическое развитие в юкагирском языке. Первым его шагом стало озвончение аффрикаты под ассимилятивным воздействием носового согласного **ńč̣* > *ńẓ̌*, **ńč̣* > *ńẓ̌*, что хорошо прослеживается в старуюкагирских записях. Такие сочетания развивались в носовой перед согласным и в шумный перед глас-

ным: СЮ *eñiž- (Мие éndsčit 'живой') > К ežul, Т ežil 'жизнь', но К Т eñtaj 'он будет жить'; СЮ *meñž- (В mendzshit, Ме mingtschit 'брат') > К mižul, Т mežil 'брат', но К min < miñk, Т meñk 'возьми' (на развитие *nč в позиции перед согласным примеров нет). Аналогичный процесс для дентальных (ср. СЮ *kund- (В kundan, Ме kundun 'грязь') > К kudul 'грязь', но kuññä- < kuññä- 'грязный') констатировал уже Б. Коллиндер (JU 95—97).

Фонетическое различие между $\check{z}$ и $\check{z}$ (как и между $\check{s}$ и $\check{s}$), очевидно, было минимальным, что позволило В. И. Иохельсону допустить неточность, обозначив эти фонемы одним символом. В современном верхнеколымском диалекте $\check{z}$ деаффрикатизировался (> ž), а в тундренном перешел в r (К kužū ~ Т kurul 'небо', К ažū ~ Т arū 'слово'). $\check{z}$ в интервокальной позиции сохраняется в обоих диалектах.

ПЮ *ʃ' > К š, Т s.

Реконструкция ПЮ *ʃ' условна (соответствие К š ~ Т s может восходить к единице типа s, š, ś, š) и опирается исключительно на системные соображения.

Современные К š, Т s представляют собой самостоятельные фонемы, которые встречаются во всех позициях: К šāl ~ Т sāl 'дерево'; К kiše- ~ Т kise- 'показать'; К alāš ~ Т alāsk 'растопи'; К pubuški 'прищ'; Т suskə 'чашка'.

В известных нам староюкагирских источниках передача *ʃ' совпадает с передачей аффрикат (К šāl, Т sāl ~ В tshall, Ме, Мие tschal 'дерево'), что может отражать т. н. мужское произношение данной фонемы (ср. указания В. И. Иохельсона на разницу в произношении данного звука: мужское č (č'), женское š (Иох 103; Иохельсон 18986 : 154)). В одном случае в чуванском языке *ʃ' передается как ś (чуван. lašawo, lašawa 'волосы' ~ Т lasawe- 'густой'), и это может свидетельствовать о палатальном характере рассматриваемой единицы.

ПЮ *ʃ > К Т l (> j).

В чуванском материале имеется несколько примеров, когда на месте К Т l, который в ряде не совсем ясных случаев (в зависимости от качества последующего гласного?) перешел в j, появляется s: чуван. psa ~ К pieja, Т puoja 'щека'; чуван. sogote ~ К, Т joroti 'стрела'; чуван. sogondonde ~ В logundintshina 'соль'. Однородность таких примеров не позволяет считать их результатами ошибочной записи чуванского материала (иначе Tailleux 1962 : 91, 93). Мы предполагаем в данном случае особую праюкагирскую фонему *ʃ со специфическим развитием: *ʃ > К Т l (> j), чуван. s (типологически сходное развитие претерпел прахант. *ʃ < ур. *s, *š в хантыйских диалектах).

Предлагаемая схема урало-юкагирских соответствий для сибилантов и аффрикат выглядит следующим образом:

ПУ	*s	*ś	*č	*č'	*-nč-	*-ñč'
ПЮ	*ʃ	*ʃ'	*č	*č'	*-nč-	*-ñč'
СЮ	l, j, Ø	?ś	č	č'	-nč-	-ñč'
чуван.	s	ś	č	č'	-nč-	-ñč'
К (Иох)	l, j, Ø	š	č	č'	-č-	-č'
К	l, j, Ø	š	č	č', ś	-č-	-č'
Т	l, j, Ø	s	č	č'	-r-	-č'

Данная схема нуждается в уточнении некоторых деталей (в част-

ности, неясным остается распределение юк. *l*, *j*, *Ø* < ур. *s) и в принципе может быть переинтерпретирована. Отсутствуют примеры на отражение в юагирском языке ур. *š (впрочем, и в уральском эта фонема, очевидно, была малочастотной, ср. возможность ее исключения из прауральской реконструкции в Japnhunen 1981 : 33—34).

Для иллюстрации соответствий приводим список наиболее достоверных, с нашей точки зрения, урало-юагирских этимологий, содержащий как уже известный этимологический материал, так и несколько новых сопоставлений¹.

1. Ф.-у. **šod'ka* 'вид утки': фин. *sotka* 'нырок', саам. *čoađge* то же, мордЭ *šulgo*, мордМ *šulgä* 'пестрая водоплавающая птица', марВ, марЛ *šue*, марГ *šoe* 'вид утки', коми *šuvka*, *šuvčez* 'гоголь', удм. *šuli*, *šuličez* 'кряква', манс. **šil'* 'вид утки', хант. *saj то же (FUV 115; SKES 1085; КЭСК 273; OUV 181)

~ юкТ *salʔa* 'гагара'.

Сопоставление см. TAILLEUR 1959a : 419. К соответствию ур. (ф.-у.) *δ ~ юк. *l* ср. ф.-у. **ud'e-* 'новый' ~ юкК *ilō-* то же, ф.-у. **mod'z* (*molz?) 'ягода' ~ юкК *malʔə* (< *maljə) 'морозка'. Озвончение смычного после *l* (*ʔ* — позиционный вариант *g*) — регулярное явление для юагирского языка.

2. Ф.-у. *šerz 'способ, средство': саам. *čær'dä* 'сорт, вид', коми *šer* 'мастерство, умение, характер', марГ *sər* 'характер, способ, обычай', манс. *sir 'способ, средство', хант. *sir то же, венг. *szér* то же (MSzFE 582—584; OUV 185)

~ юкК *šär* 'что-то' (неопределенное местоимение).

Сопоставление см. Bouda 1940 : 85. Удлинение или дифтонгизация гласного неверхнего подъема в односложном слове носит в юагирском языке регулярный характер (ср. также следующую этимологию).

3. Ф.-у. *šala 'вяз': фин. *salava*, *salaja* 'ракета', ? *halava* то же, мордЭ *šele*, мордМ *šäli* 'вяз', марЛ, марВ *šolo* то же, венг. *szil* (MSzFE 587—588)

? ~ юкК *šäl*, Т *säl* 'дерево' (ср. В *tshall*, Ме, Мue *tschal*).

4. Ф.-у. *šole 'кишка': фин. *suoli*, эст. *sool*, саам. *čoaalle*, мордЭ *šulo*, мордМ *šulä*, марЛ, марВ *šolo*, коми *šuv*, удм. *šul*, хант. *soθ (FUV 116; SKES 1113—1114; КЭСК 273; DEWOS 1329)

~ СЮ (R) *šolje* 'кишка'.

Сопоставление см. JU 86—87; HUV 159.

5. Ф.-у. *ñukše 'соболь, куница': фин. *nois: *Noisniemi* = рус. *Соболино* (топоним), ? *pokko* 'соболь', эст. *nugis* 'куница', коми *ñiž* 'соболь', удм. *ñiž*, *ñäž* то же, манс. *ñkäs то же, хант. *ñpəs то же, венг. *nyuszt* 'куница' (MSzFE 491—492; OUV 170)

~ юкТ *нохшонгэ* (Иохельсон 1898a : 33), К *noqšə* 'соболь' (ср. В *noghtsha*, Мue *nóktscha*).

Сопоставление см. JU 84; FUV 102. К соответствию ур. (ф.-у.) **ñ-* ~ юк. *n-* (+ велярный гласный) ср. ур. *ñulka 'пихта' ~ К *nolut* 'вид дерева', ур. **ñowda-* 'гнаться, преследовать' ~ ПЮ **nowdī-* 'следить, преследовать' > К *noudī-*, Т *nawrī-* то же.

6. Ф.-у. *čolme 'узел, связка; связывать': фин. *solmi*, *solmu* 'узел', *solmi-*, *solmia-*, *solmia-* 'связывать', эст. *sõlm* 'узел', саам. *čuol'bmá*

¹ В цитировании юагирского материала данные современного верхнеколымского и тундренного диалектов приводятся без ссылки на источник, если слово хорошо зафиксировано в работах по юагирскому языку; если же оно известно лишь одному из источников (Иох, Кур), дается ссылка. Формы, зафиксированные во время нашей полевой работы у верхнеколымских юагириков, снабжаются пометой МЭ.

то же, мордЭ *śulmo*, *śulma*, мордМ *śulma* то же, морд *śulma*- 'связывать', венг. *csomó* 'узел, связка' (UEW 38—39)

~ юкК *čolo-*, Т *čala-* 'добавлять, надставлять, связывать'.

Сопоставление см. Bouda 1940 : 85.

7. Ур. *čéčä 'дядя': фин. *setä* 'дядя по отцу', эст. диал. *sedī* 'дядя по матери', саам. *čæsse* 'дядя по отцу', мордЭ *čiče* 'муж старшей сестры', марГ *čэчэ* 'младший брат матери', коми *čož* 'дядя по матери', удм. *čūž* 'родственник с материнской стороны', манс. КУ *šäš*, Со *sasiy* 'дядя', ПС *čičä 'дядя по матери' (UEW 34—35; SW 33)

~ юкК (Иох) *чача*, МЭ *čäčä* 'старший брат'.

Сопоставление см. JU 75—76; Bouda 1940 : 72; FUV 56.

8. Ур. *ičä 'отец, ? большой': фин. *isä* 'отец', ? *iso* 'большой', эст. *isa* 'отец', саам. *æčče* то же, марЛ, марВ *iža* 'старший брат, младший брат отца', мордМ *očä* 'старший брат отца', ? *oču* 'большой', манс. LU P K *äš*, Т *äci* ~ *äci* ~ *äši* 'отец матери', ПС *ejsä 'отец' (UEW 78; SW 22)

~ юкК (Иох) *äčičä*, МЭ *esie* 'отец' (ср. В *etshea*, Ме *aittsche*).

9. Ф.-у. *kačä 'конец, вершина': фин. *kasa* 'конец', ? эст. *kadsa*, саам. *gæčče* то же, ? венг. *hegy* 'гора' (UEW 110)

~ юкК (Иох) *kičil*, МЭ *kišil* 'конец', *kišitä-* 'кончать', Т *kičil* 'конец' (ср. В *kitshel* 'конец', Ме *gachyl* 'хвост').

Сопоставление см. JU 78; HUV 162.

10. ПС **sirä-* 'копать': нган. *siri'éma* 'выдалбливать', нен. *širas* 'копать', сельк. *siri-* то же (SW 141)

~ юкК МЭ *šar-* 'закопать, придавить, хоронить, догнать', ? Т (Кур) *саарэй* 'могильный лабаз'.

Сопоставление см. Bouda 1940 : 85.

11. Ур. *poske 'щека': фин. *poski* 'щека', эст. *pōsk* 'щека', манс. *pījat (*pījatz ~ **pājt-*) 'щека', хант. *puял id., ПС **pāt-* ~ **pātz-* то же (FUF 50; OUV 175; SW 33)

~ юкК (Иох) *näyä*, Т (Иох) *noyä*, К МЭ *piejä*, Т (Кур) *nyoyэ* 'щека' (ср. чуван. *psa* гест. *pVsa* 'щека'). Дифтонгизация гласного вторична в ударном положении перед *j*. К выпадению ур. *k в консонантных сочетаниях ср. ПС *kājkä 'дух' ~ К Т *qoj-l* 'бог', ф.-у. *mälpe 'грудь' ~ К *mel-ut* то же.

Сопоставление см. Bouda 1940 : 79.

12. Ф.-у. **seye-* 'есть, кушать': фин. *syö-*, эст. *söö-*, коми *šoi-*, удм. *šii-*, манс. **tī-*, **tīγ-*, хант. **li-*, **liγ-*, венг. *év-* (MSzFE 164—165; OUV 134)

~ юкК *leg-*, Т *lew-* 'есть, кушать' (ср. В *langdal* 'есть', *lagul* 'еда', Ме *lagk* 'ешь', *lagal* 'еда', Ме *léngdsche* (part.)). Староюкагирские данные указывают на инлаутный *-g-*, а не *-ng-*. В верхнеколымском диалекте *g, γ < *g, γ* в зависимости от качества последующего сегмента представлен вариантами *ω ~ m ~ η ~ g, γ*: *leу < lew* 'я ем' (1 л. ед. ч.), *lem-mek* (2 л. ед. ч.), *leη-ηam* (3 л. мн. ч.), *leg-um* (3 л. ед. ч.), тогда как **ηg > η(+C), g, γ(+V)*. Поэтому, в частности, должно быть отклонено сопоставление юк. *leg-* ~ ур. **runkз-* 'жевать' (JU 85; FUV 54; Angere 1956 : 129).

Сопоставление см. Bouda 1940 : 88.

13. Ф.-у. *särz 'жила': марГ *šär* 'вена', удм. *ser: vir-ser* 'вена', манс. *tār 'корень', хант. *ler то же, венг. *ér* : *ere-* 'жила' (MSzFE 159; OUV 139)

~ юкК (Иох) *larхул*, МЭ *jarquł* 'корень' (ср. В *larkun*, Ме *larkul*). В юкагирском *-q-/-qə-* представляет собой суффиксальный элемент, ср.

К МЭ *qoŋ-qə* 'яма', *qoŋ-ū* 'изменность'.

Сопоставление см. Bouda 1940 : 87.

14. Ф.-у. *sōja 'место за чем-нибудь': фин. *suoja* 'прикрытие, защита, убежище', *suojata-* 'заслонять, защищать', эст. *soojenda-* 'согревать, укрывать', саам. *suoggje* 'место за чем-нибудь', марГ *šajäl* 'задняя часть', коми *saj* 'место за чем-нибудь', *saj-* (основа наречий и послелогов), *sajed* 'укрытие', удм. *saj* 'тень', *sajul* 'тень, укрытие' (FUV 115—116; SKES 1111—1112; КЭСК 248)

~ юкТ (Кур) *лайaa* 'за' (послелог), *лайa* 'зад, задняя часть', *лай-* 'последний, задний'.

15. Ур. **sala-* 'воровать': фин. *sala* 'тайна, секрет', *sala-* 'скрывать', саам. *suole*, *suolled* 'тайно', *suolada-* 'воровать', марЛ, марВ *šoläšta-* то же, манс. **täləm-*, хант. **laləm-*, ПС **tälä-* то же (FUV 55; OUV 137; SW 150)

~ юкК *olo-* 'воровать', *olunuboj* 'вор' (ср. В *olonunga*, Ме *olonungga* 'вор; они воруют').

Сопоставление см. Taillieur 1959a : 420; HUV 158.

16. Ф.-у. *wosa 'товар': фин. *osta-* 'покупать', саам. *oases* 'торговля, товар', марЛ, марВ *ižale-*, *vižale-* 'продавать', коми *vuzav-*, *vuzes* 'товар', удм. *vuz* то же, манс. Со *wāta-χum*, КУ *wātə-χom* 'купец' (*χum*, *χom* 'человек') (FUV 104; SKES 441; КЭСК 70)

~ юкТ (Кур) *валъэ* 'цена', *валытэ-* 'платить', *валдаa-* 'уплачиваться'.

17. Приб.-фин.-перм. *sēmz 'черный, ржавый': ?? фин. *hätu* 'сумерки', *hätärä* 'темный', марЛ, марВ *šem(e)* 'черный, грязный', ?? мордМ *šamoi* 'ржавчина', мордЭ *šemei* то же, коми *sim* 'темный, смуглый, ржавый', ? удм. *šinj-* 'ржаветь' (КЭСК 258; ОФУЯ 427)

~ юкК *em-i-* 'черный', *em-bə-* 'темный', *emil* 'ночь', ? *emul* 'остров', ? Т *emul* 'остров' (ср. В *emmitsh*, Ме *emmisch*, Мие *emibet* 'черный', В *emmel*, Ме *emmil* 'ночь').

Сопоставление см. Taillieur 1959a : 420.

Возможно, приб.-фин.-волж. **šämä-* (фин. + морд. + мар.), ср. Keresztes 1986 : 156. В этом случае имеется уникальный пример, указывающий на совпадение *s и *š в юкагирском (как в угорских и самодийских языках).

18. Ф.-у. **sula(-)* 'таять, талый': фин. *sula* 'талый', *sula-* 'таять', морд. *sola-*, марЛ, марВ *šule-* то же, коми *šiv-* то же, удм. *šilmj-* 'развариться, растаять', манс. **tälä-* 'таять', хант. **löla-*, венг. *olvad-* то же (MSzFE 209—210)

~ юкК *alā-* 'таять', *alō-* 'талый', Т (Кур) *альaa-* 'таять'. Палатализация *-l-* в юкагирском вторична (перед долгим гласным).

Сопоставление см. Bouda 1940 : 88; HUV 161.

19. Ф.-у. *kuñčz 'муравей': фин. *kusiainen*, *kusilainen*, эст. *kusilane*, *kusiline*, *kusikas*, коми *kožul*, удм. *kužlji*, ? манс. ТJ *künš-*, КУ *koñš-*, LU *kuñš-*, венг. *hangya* (UEW 205).

~ юкК (Иох) *коджә* 'личинка (на олене)', МЭ *köžə*, Т (Кур) *кодъэ* 'червь' (ср. В *yoyakondzsha*, Ме *jojokontscha* 'муравей', букв. 'странная личинка').

Сопоставление см. HUV 160.

Возможна связь ф.-у. *kuñčz 'муравей' с ф.-у. *kunčz 'червь, личинка', в котором обращает на себя внимание марГ *kičə* 'глист', где *č < *č*, что авторы UEW объясняют аффективным характером слова (UEW 205).

20. Ур. *wāncš 'корень': марЛ, марВ wož 'корень, основание', коми *viž* 'корень', удм. *viži*, ПС *wāncš- то же (КЭСК 69—70; SW 171)

~ юкК *ožū* 'тонкий корень (для шитья)', Т (Кур) *варулуу* 'корень'. Соответствие К ž ~ Т r восходит к сочетанию *nž* < *nč, ср. К *kužū*, Т *kurul* ~ В *kundschu*, Ме *kuntschu*, чуван. *kunzip* 'небо'. Сопоставление см. TAILLEUR 1959a : 420; HUV 158.

В заключение приведем краткий разбор предлагавшихся урало-юкагирских этимологий, содержащих сибиланты и аффрикаты (JU; Bouda 1940; FUV; TAILLEUR 1959a; HUV; Angere 1956). В большинстве случаев они не могут быть приняты, так как не учитывают данные исторической фонетики и словообразования юкагирского языка:

ф.-у. *čāŋkз- 'помогать' ~ К čəŋ, Т čoŋ- то же; сопоставление возможно только в том случае, если ф.-у. *k представлял собой деривационный суффикс, не сохранившийся в юкагирском языке (но для такого предположения сами финно-угорские языки не дают оснований), так как регулярным рефлексом ф.-у. *ŋk является η в положении перед согласным и g, γ перед гласным, а в данном юкагирском глаголе η сохраняется во всех позициях, в том числе и перед гласным, ср. К МЭ čoŋum 'помогает';

ур. *čoka 'глубокий' ~ К ceginmō- то же; ур. *k регулярно соответствует юк. k, q, ср. ф.-у. *lākte- 'прийти' ~ К jaqa- < laqa- то же, об.-уг. *l̥ɣlz 'бедро' (ур. *k) ~ К Т laqil 'зад'. По этой же причине должно быть отклонено сопоставление ур. *čāke 'утопанный снег' ~ К čuge 'след, дорога, тропа';

ур. *sälke- 'грузить, нагружать' ~ К elī-, Т welī- 'носить'; юкагирское слово по семантике связано с понятием 'плечо, спина', ср. более точное значение данного глагола (МЭ) 'носить на спине, на плечах', а также Т welibe 'седло'. Тундренные данные указывают на анлаутный w-, ср. ф.-у. *wipe- 'нести' ~ Т wegie- то же. Не исключена связь юкагирской основы с ф.-у. *wolka 'плечо';

ур. *soŋe- 'входить, проникать' ~ К šög-, Т sōw- то же; юкагирское слово связано с основой šörō- 'находиться внутри, лежать', ср. К МЭ šörōjāj 'поселился', šörōj 'лежит (внутри)', Т (Кур) согизм 'держит что-то внутри'. Междиалектное соответствие К g, γ ~ Т w восходит к ПЮ *ɣ, с другой стороны, ур. *ŋ ~ ПЮ *η, ср. ур. *aŋe 'отверстие, рот' ~ К Т aŋa 'рот', aŋil 'отверстие';

фин. *otsa* 'лоб' ~ К iśā, Т öjčā 'острие'; фин. *otsa* < ф.-у. *oñča, в праюкагирском корень *ōwɟ-;

венг. *nagy* 'большой' ~ К (Иох) *нанчā* то же; сопоставление неправомерно, если венгерское слово этимологизируется из праформы типа *nanče, так как в юкагирском присутствует корень *nan-*, ср. Т (Кур) *ньаньитэй-* 'увеличить';

ф.-у. *süle 'грудь, пазуха' ~ К Т čul 'мясо'; в юкагирском долгота гласного — результат стяжения дифтонга, ср. ф.-у. *lewlē 'дух, душа' ~ К jül < lül < *lewl 'дым, пар';

ур. *sōja 'крыло' ~ К ūjā то же; К ūjā, вероятно, — производное от глагола ū- 'шевелить(ся), двигать(ся), работать', -jā- — показатель имени деятеля;

фин. *peura* 'олень' ~ К (Иох) *niädžā* 'лось'; СЮ *pienž^е или *pienže, ср. *Mue bügentsche* 'лось';

фин. *pihlaja* 'рябина', мордМ *pižol* то же ~ К (R) *piže*, Т *purie* 'ягода'; финно-угорские формы восходят к *piče (КЭСК 218), а в ста-

роюкагирском в инлауте выступало сочетание **n̄z̄*, ср. В *pundshe*, см. *pindy* 'ягода';

фин. *joutsen* 'лебедь' ~ К *janžə*, Т *janrə* 'гусь'; фин. *joutsen* < ф.-у. *joŋkce (UEW 101), юк. *janžə* < *lanžə* < *lanžə, ср. В *landzsha*, Ме *ljangdscha*, чуван. *ljangjaja* 'гусь';

фин. *viha* 'гнев' ~ К *ojši-* (более точная запись *ōjšī-*) 'мстить, приходиться в ярость'; фин. *viha* < ф.-у. *viša, в юкагирском слове выделяется корень *ōj-*, ср. К МЭ *ōj-*, *ōjže-* 'хулить, предвещать худое; лаять', *-šī-* — суффикс переходных глаголов, ср. К *ibi-* — 'сосать', *ibišī-* — то же;

нен. *čīci* 'зима' ~ К *čēže* то же; ненецкое слово является отражением ПС **tetsz-* 'холодный' (SW 159). В юкагирском выступает основа *čiej-/čel-*: К МЭ *čelkə-* 'остыть', *čies* < *ciej-j* 'холодный', *celūtaj* 'будет холодным'; *cieže* < *ciel-jē*;

фин. *hyvā* 'хороший' ~ К *čeni-* 'веселый'; фин. *hyvā* < ф.-у. *sūñä (SKES 941; КЭСК 317), а ф.-у. *η не отражается в юкагирском как *n̄*, *n*, см. выше.

В некоторых случаях сопоставления не подтверждаются уральскими данными: нен. *sea* 'лицо; высокий склон' ~ К *šöjl* 'камень' (нен. *sea* < ПС *kät 'лицо' (SW 65)); нен. *šumbang* 'муksун' ~ Т *umuja* 'щука' (нен. *šumbang* от *šumb* 'обух топора' (Терещенко 1965 : 588—589)); фин. *säyne* 'язь' ~ К (R) *onutscha* 'карп' (фин. *säyne* < ф.-у. *säwnä (ОФУЯ 417)); нен. *šib'a* 'уголь' ~ К *ibier* 'очаг' (нен. *šib'a* < ПС *kimä 'зола' (SW 70)); сельк. *šünž-* 'кончиться, умереть' ~ К *šinēl* 'падеж скота' (селькупское слово восходит к ПС *kön (SW 74—75) с первоначальным значением 'внутренность' > 'пустота' > 'конец').

Список подобных малоубедительных сближений можно продолжить.

Наконец, среди предлагавшихся урало-юкагирских этимологий есть несколько таких, которые отражают невозможное, с нашей точки зрения, развитие уральских аффрикат, но опровергнуть которые по другим параметрам мы не можем (не исключено, что это станет возможным после осуществления реконструкции праюкагирского вокализма): ф.-у. *wače 'ранний' ~ К *ažō-*, Т *wağō-* то же; ур. *iče 'душа' ~ К Т *ižje* 'один, сам' (в этих примерах для юкагирского предполагается озвончение глухой аффрикаты). Не отвергая в принципе возможности этих сопоставлений, но учитывая их единичность и внесистемность, мы склоняемся к тому, что это случайные совпадения.

Сокращения

Иох — В. И. Иохельсон, Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, ч. I, Санкт-Петербург 1900; **К** — верхнеколымский диалект современного юкагирского языка; **Кр** — Е. А. Крейн ов и ч, Исследования и материалы по юкагирскому языку, Ленинград 1982; **Кур** — Г. Н. Кур и л о в, Юкагирско-русский словарь, Тундренный диалект (рукопись); **МЭ** — материалы экспедиции к верхнеколымским юкагирам (1986 г.), записи автора статьи; **ом.** — омокский язык; **ОФУЯ** — Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, Москва 1974; **ПС** — прасамодийский язык; **ПУ** — прауральский язык; **ПЮ** — праюкагирский язык; **СЮ** — староюкагирский язык; **Т** — тундренный диалект современного юкагирского языка; **чуван.** — чуванский язык; **В** — материалы И. Биллингса (ОР ГПБ, ф. 7, №137, л. 23—30); **JU** — В. Collinder, Jukagirisch und Uralisch. — UUA 1940 8; **HUV** — В. Collinder, Hat das Uralische Verwandte? Eine sprachvergleichende Untersuchung. — UUA 1965 1—4, 109—180; **Me** — материалы К. Мерка (ОР ГПБ, ф. 7, № III, л. 2—8); **Mue** — материалы Г. Миллера (ОР ГПБ, ф. 7, № III, л. 15—20); **OUV** — L. Honti, Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten

Silbe, Budapest 1982; R — материалы Райского, цит. по А. Schiefner, Beiträge zur Kenntniss der jukagirischen Sprache. — Mélanges Asiatiques 1872 6, 409—446; SW — J. Janhunen, Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien, Helsinki 1977; UEW — K. Rêdei, Uralisches etymologisches Wörterbuch 1—2, Budapest 1986.

ЛИТЕРАТУРА

- Иохельсон В. И. 1898а, Очерк зверопромышленности в Колымском округе, Санкт-Петербург.
 — 1898б, Образцы материалов по изучению юкагирского языка и фольклора. — Известия Императорской Академии Наук 9, 151—177.
 — 1934, Одульский (юкагирский) язык. — Языки и письменность народов Севера III, Ленинград, 149—180.
 Терешенко Н. М. 1965, Ненецко-русский словарь, Москва.
 Angere, J. 1956, Die uralo-jukagirische Frage. Ein Beitrag zum Problem der sprachlichen Urverwandtschaft, Stockholm.
 Bouda, K. 1940, Die finnisch-ugrisch-samojedische Schicht der Jukagirischen. — UJb. 20, 71—93.
 Janhunen, J. 1981, Uralilaisen kantakielen sanastosta. — JSFOu 77, 219—274.
 Keresztes, L. 1986, Geschichte des mordvinischen Konsonantismus II. Etymologisches Belegmaterial, Szeged.
 Tailleur, O. G. 1959а, Plaidoyer pour le youkaghir, branche orientale de la famille ouraliënne. — Lingua 8, 403—423.
 — 1959б, Les uniques données sur l'omok, langue éteinte de la famille youkaghire. — Orbis 8, 78—108.
 — 1962, Le dialecte tchouvane du youkaghir. — UAJb. 34, 55—99.

I. A. NIKOLAJEVA (Moscow)

CORRESPONDENCES OF THE URALIC SIBILANTS AND AFFRICATES IN YUKAGIR

While the genetic relationship between Uralic and Yukagir can be considered as proven (beyond any doubt), the phonetic correspondences need a thorough investigation and re-evaluation. The article proposes a reconstruction of the Proto-Yukagir system of sibilants and affricates, based upon the comparison of modern dialectal and Early Yukagir (18th century) data. Taking into account the most reliable etymological material, the following system of correspondences between Proto-Uralic and Proto-Yukagir can be stated: PU *č — PY *č̣, PU *č̣ — PY *č̣̣, PU *š — PY *ʃ̣, PU *s — PU *ʃ̣.